

УДК 94+930.85(5-015)

Роль оседло-земледельческой культуры в кочевых обществах

Д.М. Маншеев

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
ул. Ключевская 40в, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия
dorzhm@mail.ru

Статья поступила 28.10.2018, принята 6.12.2018

В статье раскрыта роль оседло-земледельческой культуры в кочевых обществах. Выявлены предпосылки формирования и развития оседло-земледельческой культуры в переходной экологической зоне – Южной Сибири. Раскрыты функции оседлых поселений гуннов Южной Сибири как политических центров, обеспечивавших аппарат власти и войска кочевников ремесленными изделиями и продуктами земледелия. Рассмотрена культура курыкан Прибайкалья как наглядный пример одного из оседло-земледельческих центров кочевников-тюрков. На основе анализа культуры курыкан показан процесс формирования комплексного хозяйства в Прибайкалье, который стал результатом взаимодействия кочевников-тюрков с земледельцами-согдийцами. Показано использование уйгурами и енисейскими кыргызами уже сложившихся во времена Тюркских каганатов оседлых экономических центров Южной Сибири. Выявлена роль колонистов-земледельцев в развитии оседлых поселений Южной Сибири.

Ключевые слова: кочевые общества; оседло-земледельческая культура; Южная Сибирь.

The role of sedentary agriculture in nomadic societies

D.M. Mansheev

East Siberian State University of Technology and Management; 40B, KlyuchevskayaSt., Ulan-Ude,
Republic of Buryatia, Russia
dorzhm@mail.ru

Received 28.10.2018, accepted 6.12.2018

The article reveals the role of the settled agricultural culture in nomadic societies. The prerequisites for the formation and development of a sedentary agricultural crop in the transitional ecological zone - Southern Siberia are revealed. The functions of the sedentary settlements of the Huns of Southern Siberia as political centers that provided the apparatus of power and nomad warriors with handicrafts and agricultural products are revealed. The Kurykan culture of the Baikal region is considered as a vivid example of one of the settled agricultural centers of the nomadic Turks. Based on the analysis of culture, the Kurykan shows the formation of an integrated farm in the Baikal region, which was the result of the interaction of the Turkic nomads with the Sogdians. The use of the Uighurs and the Yenisei Kyrgyz in the Turkic Kaganates of the settled economic centers of Southern Siberia is shown. The role of the colonial-farmers in the development of sedentary settlements in Southern Siberia is determined.

Keywords: nomadic societies; sedentary agriculture; Southern Siberia.

Целью исследования является выявление роли оседло-земледельческой культуры в кочевых обществах. Характер исследования: историко-антропологический анализ с целью выявления значения оседлости в Южной Сибири в период доминирования номадизма.

В отечественной историографии недостаточно исследован вопрос о роли оседло-земледельческой культуры в объединениях кочевников Центральной Азии. Чтобы восполнить этот пробел, обратимся к истории Южной Си-

бири в период расцвета номадизма в степях Центральной Азии.

В аграрный период человеческой истории природная среда являлась основополагающим фактором при выборе этносами своего хозяйственного уклада. Известно, что Южная Сибирь относится к переходной экологической зоне, находящейся на границе между лесом и степью. Здесь издревле, наряду со скотоводством, развивалось земледелие, которое дополнялось охотой, возводились города и оседлые поселения. Между тем, не совсем понятен механизм формирования

элементов оседло-земледельческих культур в Южной Сибири.

В III в. до н. э. в степной зоне Центральной Азии было основано первое в истории кочевое государство, которое впоследствии стало империей кочевников. Племенной союз гуннов объединил кочевые племена, населявшие степи Центральной Азии. В 201 г. до н. э. гуннами была завоевана Южная Сибирь от Алтая до Забайкалья. Таким образом, гунны подчинили себе регион, богатый залежами металлических руд. Местные племена еще с V в. до н. э. добывали здесь железо, медь, золото и олово.

После покорения Южной Сибири гунны сами начинают добычу и переработку железной руды, снабжая войска вооружением и походным снаряжением для войны с Китаем [1, с. 79, 80, 83].

Горные котловины Южной Сибири с непрерывающимися реками способствовали развитию земледелия, которое явилось продовольственной базой для поселений и городов ремесленников, возводимых властями кочевников. Ремесленники удовлетворяли потребности государства в вооружении, орудиях труда и быта.

В оседлых поселениях и городах Южной Сибири кочевники создают собственную администрацию для управления кочевым сообществом. Таким образом, города и оседлые поселения гуннов выполняли функции политических и культурных центров и стали основой оседлого образа жизни части кочевого общества.

Одним из наиболее изученных городских поселений гуннского государства остается Иволгинское городище, расположенное на западном берегу р. Селенга, в Иволгинском районе Республики Бурятия [2, с. 36].

В 1985 г. было опубликовано исследование А.В. Давыдовой, основанное на археологических изысканиях городища и могильника гуннов в Иволге [3]. Анализ вещественных памятников Иволгинского городища и его окрестностей, представленных А.В. Давыдовой, свидетельствует о том, что власти преимущественно кочевого гуннского населения Забайкалья целенаправленно формировали оседлое поселение, заселяя его мастерами кузнечного ремесла, плотнического дела, гончарного производства и земледелия [3]. Кроме того, Иволгинское городище оказалось одним из самых укрепленных городов гуннов [4, с. 90].

Современные исследования свидетельствуют о наличии собственных сложившихся традиций ювелирного мастерства гуннов. Ювелирные изделия из бронзы, изготовленные гуннскими мастерами, на которых изображены дикие и домашние животные степей Центральной Азии и Си-

бирской тайги, иллюстрируют их оригинальность и самобытность [2, с. 39–50].

По-видимому, часть населения, знакомая с оседлой культурой, прибывала к гуннам из Китая в качестве наемных работников или по принуждению. Известно, что земледелием у гуннов занимались выходцы из Китая, по разным причинам оказавшиеся на породных землях гуннов [5, с. 96, 97].

Естественно, земледельцы из оседло-земледельческих стран адаптировали свои навыки возделывания зерновых культур к местным условиям.

Очевидно, что гунны уделяли особое внимание развитию земледелия на своих землях, так как оно являлось надежным средством реализации власти в кочевом обществе в аграрный период истории Центральной Азии. Продукты земледелия обеспечивали содержание населения оседлых поселений и городов, где формировалась администрация гуннов. Зерно использовалось в качестве надежной валюты в обменных операциях и для пополнения казны.

Города и оседлые поселения возводились на породных землях гуннов. В результате кочевники получали возможность мирным путем — за счет равноценного обмена получать необходимую продукцию земледелия. Таким образом власти привязывали простых кочевников к городам и оседлым поселениям и сдерживали центробежные силы, существующие в любом кочевом обществе.

Очевидно, что города и оседлые поселения, основанные на ремеслах и земледелии, не могли появиться в кочевой среде без содействия властей кочевников. Холодный климат и неплодородность земель Южной Сибири сдерживали эволюционное развитие оседлой культуры. По-видимому, власти гуннов направляли свои усилия на возведение городов и поселений, обеспечивая процесс строительства трудовыми, материальными и информационными ресурсами. Города заселялись людьми, которые владели письмом, имели навыки администрирования и юриспруденции, необходимые для чиновника. К тому же, в городах и поселениях жили ремесленники и земледельцы, обеспечивавшие потребности кочевого государства в продуктах ремесла и земледелия.

Полуоседлые и оседлые гунны владели развитыми технологиями земледелия. Для возделывания полей они использовали пахотные орудия труда, в которые впрягали домашних животных. Также они обладали навыками сенокоса и плотнического ремесла. Изготовление орудий труда для подобного рода работ требовало наличия металлургического производства, которое,

вероятно, существовало на тот момент в Центральной Азии.

Известно, что после своего усиления в Центральной Азии «кочевая империя» гуннов завоевала более влажные степи Восточной Европы и севера Китая, подчинив себе земледельцев. Там они образовали государства и государствовподобные образования номадов [5, с. 46].

Вероятно, классические государства со всеми атрибутами власти возникают у номадов лишь после их окончательного оседания среди земледельцев. Так, в статье В.К. Щечоева и М.А. Аушева «Седентаризация — способ образования государств у кочевников» (2014) реконструируется процесс возникновения государств у кочевников Дона. По мнению исследователей, возникновение государства у номадов связано с процессом их оседания после завоевательных походов. Завоеваниям кочевников предшествует создание ими неустойчивых протогосударств. Аналогичная история произошла с гуннами осевшими на западе евразийских степей [6, с. 935].

Между тем, не совсем ясно, где располагались политические, экономические и культурные центры племенных союзов номадов в момент их генезиса. Попробуем ответить этот вопрос посредством анализа системы хозяйствования кочевников Центральной Азии.

Классические кочевники степей Центральной Азии (зональные степи современной Монголии и Внутренней Монголии) были вынуждены перемещаться круглый год в поисках подножного корма для своего скота. В холодное время года (7 мес.) кочевники-скотоводы маленькими группами семей переходили с одного пастбища на другое через 15 дней. В теплый период этот срок увеличивался до 30 дней. Их хозяйство характеризовалось низким уровнем производства необходимых для жизни продуктов. Ощущался недостаток мастеров ручного производства. Даже к началу XX в. способы хозяйствования кочевников (монголов) оставались неизменными, что подтверждают полевые исследования автора во Внутренней Монголии в 2015–2017 гг. В этих условиях было невозможно выстроить даже основы какой-либо государственности.

Переместимся в переходную экологическую зону Южной Сибири (земли на стыке центральноазиатской степи и тайги). Здесь со времен появления первых государств существовали центры оседло-земледельческой культуры, которые по мере роста начинали выполнять управленческие и производственные функции.

Примечательно, что центрами объединения или, по крайней мере, родовыми землями номадов являются переходные экологические зоны. Родиной гуннов (сюнну) была юго-западная

Маньчжурия [2, с. 30]. Тюрки основали свой союз на Алтае, монголы — в Восточном Забайкалье. Отсюда они начинали завоевательные походы для расширения своей территории. До сих пор неизвестно место первоначального объединения гуннов.

Известно, что после значительного расширения своих земель завоеватели возводили столицу в самом центре зональных степей Центральной Азии (монгольские степи). Между тем, города и оседлые поселения Южной Сибири продолжали выполнять свои прежние функции, сохраняя за собой статус региональных политических, экономических и культурных центров. Иногда они становились местом объединения нового политического образования. Примерами являются каганат енисейских кыргызов и автономия курыкан, возникшие на развалинах Тюркского каганата.

В 20–30-х гг. VI в. начинается формирование нового государства тюрков Алтая — Тюркского каганата. К началу 580-х гг. алтайские тюрки овладели степями Евразии.

Основой хозяйства тюрков было подвижное экстенсивное скотоводство. Тюркская аристократия, как и кочевая знать последующих народов Центральной Азии, стремилась возводить на своих землях оседлые земледельческие и ремесленные центры.

Известный российский археолог С.В. Данилов писал: «Несмотря на относительно высокий уровень развития экономики, на территории каганата, в его коренных землях (на Алтае. — Д.М.), не обнаружено пока остатков оседлых поселений и городов». Исследователь пояснял, что в трудах знатока тюркской истории из Монголии Х. Пэрлээ есть упоминания о существовании остатков тюркских городов на Алтае, и все же мы знаем о городах, возведенных тюрками в степях Монголии в период расцвета их культуры (ставка хана Бильге, Тогу, Магы, Хэшачен) [7, с. 148].

О существовании оседлых поселений в Прибайкалье свидетельствует курумчинская культура, которая датируется VI в. и соотносится с историей тюрков-курыкан. Курыкане обитали по обе стороны Байкала, в верховьях Ангары, низовьях р. Селенга и в долине р. Баргузин.

Курыкане вели оседлый и полуоседлый образ жизни. Они разводили крупный рогатый скот и лошадей, занимались земледелием и охотой. Курыкане являются пионерами земледелия в Прибайкалье. Они владели навыками переработки железной руды и изготовления орудий труда из железа.

Курыкане использовали руническую письменность, распространенную среди енисейских кыргызов в Минусинском крае. Миграция мон-

гольских племен в Прибайкалье дала начало процессу формирования новых племен (эхири-тов, булагатов) на основе смешения тюрков и монголов. Вероятно, часть курькан, несогласных с монгольской властью, уходит в долину р. Лена, там они участвуют в формировании якутского этноса [8, с. 22–44].

По-видимому, возникновение оседлых поселений в Прибайкалье связано с деятельностью алтайских тюрков, которые активно сотрудничали с купцами из Средней Азии. Вещественные памятники материальной культуры курумчинцев, обнаруженные археологами в Прибайкалье, схожи с творениями культуры Средней Азии [8, с. 34–43].

Еще одно свидетельство связи Прибайкалья со Средней Азией находим в исследовании А.М. Хазина. Он писал, что тюрки, как и прочие кочевники, возводили на породных землях города и поселения. Отличительной чертой политики тюрков была добровольность колонизации переходных зон степей Евразии (территории на границе леса и степи) земледельцами, ремесленниками и торговцами из Средней Азии. Отношения тюрков и выходцев из Средней Азии строились на выгодных для обеих сторон условиях: тюрки охраняли торговые пути, проходившие по степной зоне, а среднеазиатские купцы сбывали военную добычу кочевников. К тому же, власть, установленная кочевниками на новых землях в результате военных походов, открывала для купцов дополнительные рынки [6, с. 399, 400; 9].

По всей вероятности, выходцы из Средней Азии, согдийцы, возводили оседлые поселения в Прибайкалье для обеспечения опорными пунктами купцов со своей родины. Развитию согдийских колоний способствовала широкая поддержка Тюркского каганата.

Вместе с торговлей согдийцы практикуют в Прибайкалье среднеазиатское поливное земледелие. Постепенно пришедшее оседло-земледельческое согдийское население смешивается с местным населением, преимущественно тюрками, которые вели подвижное скотоводческое хозяйство, дополняемое охотой. В результате взаимопроникновения двух культур формируется комплексное скотоводческое хозяйство курькан с элементами земледелия и охоты.

Власть тюрков в степях Монголии и Забайкалья просуществовала до середины VIII в. Тюрков сменили уйгуры, создавшие Уйгурский каганат. В 750–751 гг. уйгуры завоевали Туву. В 758 г. уйгурские войска совершили поход в страну енисейских кыргызов, но закрепиться там не смогли. Вероятно, кыргызам — предкам хакасов позволил отстоять свою независимость мощный экономический базис (в виде развитых ремесел, земледелия и полуоседлого скотоводства), созданный еще в период развития Тюркского каганата. Автономно сохранили курькане.

Уйгуры начали массовое строительство городов на завоеванных землях. Уйгуры основали свою столицу Орду-Балык на Орхоне. Степную зону уйгуры использовали под пастбищное кочевое скотоводство, они разводили овец, лошадей и крупный рогатый скот. Интересен факт применения уйгурами крупного рогатого скота под вьюк и упряжь.

В переходной экологической зоне Южной Сибири (территории на стыке степи и леса) уйгуры занимались добычей железной руды, цветных и драгоценных металлов, возводили земледельческие и ремесленные центры для изготовления вооружения [10, с. 126, 127].

С конца VIII в. в Уйгурском каганате начинается борьба феодальной знати за власть, проходят выступления подвластных племен за независимость. Кризисом власти уйгуров воспользовались енисейские кыргызы. В 840 г. кыргызы сокрушили войска уйгуров и уничтожили их столицу Орду-Балык. Кыргызы установили свою власть в степях Центральной Азии. В начале X в. начинается засуха, которая заставила кыргызов оставить центральноазиатские степи и вернуться в свои владения в Южной Сибири.

С X в. до своей гибели от монгольского вторжения в 1293 г. Кыргызский каганат занимал обширные земли Южной Сибири — Алтай, Туву, Минусинскую котловину вплоть до Ангары. Экономика кыргызов состояла из развитых отраслей комплексного хозяйства. В каганате были развиты плужное орошаемое земледелие, подвижное скотоводство со стационарными зимниками. Была отлажена добыча и переработка руд, обеспечивавшая развитие ремесел.

Кыргызы вели широкую внешнюю и внутреннюю торговлю скотом, зерном и мукой, пушниной, оружием, мускусом и ювелирными изделиями. В каганате широко употреблялась руническая письменность, зародившаяся на Енисее еще в VII в. [10, с. 130, 131].

В начале XIII в. завершается формирование монгольского государства. Забайкалье и Прибайкалье вливаются в ареал монголоязычных народов. В XIII–XVI вв. закладываются основы будущего бурятского этноса (эхири-ты, булагаты, хоринцы), экономика которого, в зависимости от местобитания племен, делилась на два хозяйственно-культурных типа.

В Прибайкалье формируется полуоседлое скотоводческое хозяйство, где еще сохранялись остатки земледелия в виде ограниченных посевов ржи и проса, а также луговодства (утугование). По-видимому, в этом сказываются действия

монгольских властей, не особо утруждавших себя поддержкой земледелия в Прибайкалье. Забайкалье же остается зоной экстенсивного кочевого скотоводства.

Таким образом, Южная Сибирь играла ключевую роль в развитии кочевых государств в степях Центральной Азии. Здесь, на стыке сибирской тайги и центральноазиатских степей возникли очаги оседло-земледельческой культуры, которые перерастали в политические, экономические и культурные центры объединения номадов.

Южная Сибирь веками аккумулировала материальные и духовные ценности крупных земледельческих цивилизаций, преобразуя их в собственную оригинальную культуру. Лишь в условиях относительно развитых городов, оседлых и полuosедлых поселений Южной Сибири, воплотивших в себе хоть какие-то политические, экономические и культурные традиции государственности, было возможно формирование будущих вождей кочевых империй. Здесь они знакомились с азами политической и экономической деятельности, получали навыки военного дела, которые оттачивались в военных походах и использовались для управления большими массами номадов.

В Южной Сибири местное население имело возможность диверсификации экономики и культуры, что способствовало наращиванию потенциала для формирования своего государства, способного контролировать большую часть Евразии.

Очаги оседло-земледельческой культуры, сохранившиеся в Южной Сибири после развала

очередной кочевой империи, вновь возрождались, становясь источниками новых центров объединения народов Центральной Азии.

Литература

1. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
2. Давыдова А.В., Миняев С.С. Художественная бронза с юнну. Новые открытия в России. СПб.: Гамас, 2008. 120 с.
3. Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник). Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
4. Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И. Города эпохи хунну на востоке Монголии // Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 17. С. 74-93.
5. Крадин Н.Н. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001. 312 с.
6. Цечоев В.К., Аушева М.А. Седентеризация – способ образования государств у кочевников // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 935-938.
7. Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
8. Окладников А.П. История и культура Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 458 с.
9. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
10. Историко-культурный атлас Бурятии. Основной том /авт.-сост. Т.А. Алексеева, Ц.Б. Балдажанов, К.Л. Банников, И.Ц. Балдано, Ц.П. Ванчикова, Ю.Н. Голубчиков. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2001. 680 с.